

Русский голос в «своей» загранице

Русскоязычная пресса в Финляндии заметно активизировалась в марте 1917 г., после Февральской революции. Возникшие газеты и журналы, будучи нередко изданиями местных отделов различных партий, как правило, отражали их политические устремления. Провозглашение Финляндией своей независимости в декабре 1917 г. активизировало националистическое движение в стране и резкий рост русофобии, что получило отражение на страницах русскоязычной печати. В работе рассмотрена газета «Голос русской колонии» (1918), издававшаяся в Гельсингфорсе профессором университета, литератором Константином Арабажиным. Охарактеризованы проблематика и структура газеты в целом, а также тематика и жанровое своеобразие ряда публицистических текстов в частности. Редакция газеты позиционировала себя как орган независимой беспартийной мысли; направляла свои усилия на единение всех слоев русского населения Гельсингфорса на основе общенациональных культурных ценностей; выражала уверенность в том, что сумеет правильно отразить интересы своих соотечественников в Финляндии и таким образом стать голосом русской колонии в самом широком значении этого слова. Подробно описаны материалы первого номера газеты «Голос русской колонии». В результате анализа выявлено, что составные компоненты газеты тематически взаимосвязаны, а их расположение в определенной последовательности позволяет прочитывать номер как единый текст, призванный убедить русскоязычного читателя в значимости и полезности нового периодического издания.

Ключевые слова: русскоязычная пресса Финляндии, русофобия, Константин Арабажин, «Голос русской колонии», тематика, структурирование, жанры.

The Russian-language press in Finland became noticeably more active in March 1917, after the February Revolution. The emerged newspapers and magazines, being often publications of local departments of various parties, reflected as a rule their political aspirations. The proclamation of Finland's independence in December 1917 intensified the nationalist movement in the country and sharp increase of Russophobia, which were reflected in the pages of the Russian-language press. In the article is considered the newspaper "Voice of the Russian Colony" (1918), which was published in Helsingfors by university professor, writer Konstantin Arabazhin. The problems and structure of the newspaper as a whole, as well as the themes and genre originality of a number of journalistic texts in particular, are characterized. The editorial office of the newspaper positioned itself as an organ of independent non-partisan thought; directed its efforts to unite all layers of the Russian population of Helsingfors on the basis of national cultural values; expressed confidence that she would be able to correctly reflect the interests of her compatriots in Finland and thus become the voice of the Russian colony in the broadest sense of the word. The article describes in detail the materials of the first issue of the newspaper "Voice of the Russian Colony". As follows from the analysis, the constituent components of the newspaper are thematically interconnected, and their arrangement in a certain sequence makes it possible to read the issue as a single text, aimed to convince the Russian-speaking reader of the significance and usefulness of the new periodical.

Keywords: Finnish Russian-language press, Russophobia, Konstantin Arabazhin, "Voice of the Russian Colony", themes, structuring, genres.

В одном из интервью О.А. Коростелев отмечал: «...за пределами России жили десятки миллионов русских людей, и не просто жили, а работали: писали, изобретали <...> издавали газеты и журналы» [1]. Русскоязычная периодика — это и есть русский голос, звучавший в литературе, публицистике, журналистике, в быту, а через них — в культуре, истории. Даже беглый просмотр названий русских эмигрантских газет 1910–1920-х гг. позволяет отметить, что «Русский голос»¹ (варианты названий: «Голос Родины», «Голос России», «Голос Руси», «Русское эхо»²) был слышен в городах разных частей света: в Гельсингфорсе, Гааге, Берлине, Варшаве, Софии, Нью-Йорке, Харбине, Шанхае...

В настоящей статье сосредоточим внимание на русском голосе региональной, «провинциальной» для России эмигрантской прессы, издаваемой на «окраине» распадающейся империи — в Великом княжестве Финляндском.

¹ См.: «Русский голос» (Аргентина, 1910-е), «Русский голос» (Эдмонтон, Канада, 1917–1919), «Русский голос» (Гельсингфорс, Финляндия, 1918), «Голос Родины» (Гаага, Нидерланды, 1918–1919), «Голос России» (Берлин, Германия, 1919–1922), «Голос Руси» (Нью-Йорк, США, 1922), «Русский голос» (Львов, 1922–1930; в межвоенный период Львов входил в состав Польши), «Русский голос» (Нью-Йорк, США, 1921–1929), «Русский голос» (Харбин, Китай, 1922).

² См.: «Голос Родины» (Гаага, Нидерланды, 1918–1919), «Голос России» (Берлин, Германия, 1919–1922), «Голос Руси» (Нью-Йорк, США, 1922).

После октябрьских событий 1917 г. Финляндия, как и Польша, стала пристанищем для русских эмигрантов, бежавших от погромов, арестов, тюрем, расстрелов, голода, холода, повсеместно распространившихся в России. В стране Суоми оказались политические эмигранты, участники анти-советских восстаний и вооруженных походов, обычные обыватели. В большинстве своем они, как правило, воспринимали западную «окраину» бывшей империи как «свою заграницу», видя в ее жителях «добрых и, главное, честных представителей “крестьянского” этноса», «наивных и мужественных “детей природы”» [2. С. 423]. Однако финны к тому времени в основной массе своей относились к россиянам не просто отчужденно, но открыто враждебно, чего не было в имперский период.

Шестого декабря 1917 г. Финляндия объявила о своей независимости и вскоре оказалась в состоянии «кровавых междоусобиц»: в стране разразилась жесточайшая гражданская война, вспыхнули кровавые классовые бои между «своими красными» (punaiset) и «своими белыми» (valkoiset) [3. С. 9], распространилась невиданная ранее русофобия: «...финны рассматривали всех русских как своих врагов» [4. С. 166]. Резко активизировалось националистическое движение, прокатилась волна террора, начался процесс массового выселения россиян из страны. Весной — летом 1918 г. положение русских в Финляндии стало катастрофическим. Бывший офицер генерального штаба подполковник С.Э. Виттенберг в своем дневнике записал так:

Никогда русский человек не подвергался таким оскорблениям, никогда не был так унижен, как теперь... Русских ловят на улице и насильственным образом сажают на паром, как собак. Русского оскорбляют на каждом шагу, и оскорбляет всякий, и эта драма, это бесчеловечное, возмутительное явление происходит в культурной, претендующей на самостоятельность стране, в Финляндии [5. С. 107].

Любопытно отметить тот факт, что и в настоящее время в финской историографии функционируют две теории о происхождении «ненависти ко всему русскому» (существует даже специальное слово для обозначения именно финской русофобии — «рюссявиха»). С одной стороны, бытует так называемая теория зачатой враждебности, объясняющая «вечную» ксенофобию финнов к русским, обусловленную полной «изначальной противоположностью» [6. С. 245] двух народов; с другой — теория «расовой идеи начала XX в.», согласно которой, ненависть к русским была «необходима для объединения финского народа после гражданской войны 1918 г. против общего внешнего врага» [Там же. С. 246]. Думается, видеть в «рюссявихе» только стремление финнов к самоидентификации и любовь к отечеству по меньшей мере наивно.

В 1918 г. белофинны при поддержке немецких войск взяли Гельсингфорс. Победа белофиннов в гражданской войне фактически ознаменовала окончательное завершение «русского» этапа в истории Финляндии, продолжавшегося более столетия.

Русская интеллигенция, оказавшаяся в Финляндии в 1917–1918 гг., стремилась обосноваться преимущественно в Гельсингфорсе или в его окрестностях. Напомним, что еще в 1812 г. Александр I специальным указом объявил маленький провинциальный городок столицей «русской Финляндии»; в первой половине XIX в. центр новой столицы застраивался под императорским контролем по образу и подобию Санкт-Петербурга, в стиле так называемого «петербургского ампира». Россияне уже в 1830-е гг. соотносили Гельсингфорс с «Санкт-Петербургом в миниатюре» [7. С. 52]. Ф. Булгарин, например, в 1838 г., завидев город с борта корабля, восхищенно воскликнул: «Да это уголок Петербурга!» [8. С. 89]. Улицы, здания, общая атмосфера были как бы давно и хорошо известны. «Превосходная пристань, убранная гранитом», и «обширная площадь, венчающаяся рядом домов петербургской архитектуры», и особые «въездные ворота», а также «климат, привычки, образ жизни, почва, на которой построен город, расположение улиц» [Там же. С. 89–90] и многое другое — все напоминало о «своем».

После «октябрьской катастрофы» россияне, особенно из привилегированных сословий, устремились в Гельсингфорс, поскольку по-прежнему воспринимали финляндскую столицу как свою внутреннюю заграницу, видя там возможности для консолидации, в первую очередь на языковой основе. Именно русский язык связывал эмигрантов с их прошлым, помогал преодолевать разобщенность в настоящем, являясь тем «базовым элементом», который воплощал в себе «традицию современной русской культуры», а также представлял собой «существенный элемент самосознания “граждан” Зарубежной России» [9. С. 141].

Бывшее Великое княжество Финляндское стало страной временного пребывания для таких известных представителей культуры, как Максим Горький, Александр Амфитеатров, Александр Куприн, Петр Струве, Виктор Шкловский и др., деятельность которых (пусть и краткосрочная) оказывала влияние на политическую и культурную жизнь русскоязычного населения. Большинство беженцев задерживалось в Финляндии ненадолго, поскольку социально-культурная адаптация и интеграция россиян в финскую иносреду проходила крайне сложно. Оказавшись в новой социокультурной реальности и языковой среде, в непривычной ритуальности, россияне не стремились к адаптации. Эмигрантка Ирина Еленевская вспоминала:

...русские, осевшие в Финляндии, остались чуждым элементом для местного населения и сами не могли с ним сплотиться...Для этого мы были слишком различны и по характеру, и по подходу ко всему [10. С. 133].

С конца 1917 г. финская пресса стала все более активно выражать негативное отношение к россиянам. По наблюдениям финского ученого-историка Пекки Невалайнена, периодическая печать планомерно создавала «образы “хороших” и “плохих” беженцев. Хорошими, как правило, были ингерманландцы и восточные карелы, плохими — русские <...> “ненависть к рюссия” пестовалась на самых разных уровнях, подозрения и озлобленность пользовались известным “официальным” одобрением» [11]. Безусловно, «ненависть к рюссия» негативно отражалась на жизни эмигрантов [12. С. 213–216], но они нередко, не имея возможности изменить свое положение, вынуждены были приспосабливаться к тем условиям, в которых оказались. Для беженцев творческих профессий, как правило, единственно возможным средством существования и выживания становились журналистика, литературная и издательская деятельность.

С.А. Михайлов, изучив русскоязычную периодику, издававшуюся в первые постреволюционные годы в Финляндии, приводит данные о возникших русскоязычных изданиях:

«Голос русской колонии» — ежедневная вечерняя газета, выходившая с 13 по 26 марта 1918 года; «Русский голос» — издавался с 27 марта по 16 апреля 1918 года, в редакционной коллегии были С.А. Аргаматов, А. Бахтин; «Русский листок» — ежедневная газета, орган защиты интересов русского населения Финляндии, выходил с 7 июня 1918 по 28 февраля 1919 года под редакцией П.И. Леонтьева; «Северная жизнь» — еженедельная газета русского населения в Финляндии, издававшаяся с 26 ноября 1918 по 28 февраля 1919 года, редакторы А.В. Игельстром, Е.А. Ляцкий, существовала редакционная коллегия; «Русская жизнь» — ежедневная газета, выходившая с 2 марта по 2 декабря 1919 года под редакцией П.И. Леонтьева; «Рассвет» — ежедневная газета, издававшаяся с 14 ноября 1919 по 11 февраля 1920 года, выходило также приложение к газете — еженедельный литературно-художественный журнал «Рассвет»; «Путь» — беспартийная ежедневная газета, выходила с 1 февраля 1921 по 8 января 1922 года под редакцией П.И. Леонтьева, К.И. Шарина; «Революционное дело» — издание партии социалистов-революционеров (всего было издано пять нумерованных выпусков за 1922 год) [13].

Жизнь русскоязычных изданий, как видно из приведенного перечня, была коротка. Борясь за выживание, издатели постоянно осуществляли различные трансформации: изменяли названия, вводили новых сотрудников, меняли редакторов и пр. Но эти полумеры не решали принципиальных вопросов, связанных с финансированием и нежеланием финского общества «терпеть» русскую эмиграцию на своей территории. Условия жизни русскоязычного населения в независимой Финляндии требовали большей консолидации для защиты своих социальных и юридических интересов, сохранения национальной и культурной идентичности. Первое такое объединение появилось в 1918 г. Его организатором стал литературовед, журналист, издатель К.И. Арабажин [5. С. 103–104].

К началу XX в. Константин Иванович Арабажин (1866–1929) благодаря своей энциклопедической образованности, активной литературно-журналистской деятельности, лекторской практике стал достаточно известной личностью в культурных кругах обеих российских столиц. Его биограф С.Г. Исаков, по сути воскресивший для наших дней эту забытую фигуру, отмечал бурную общественную активность Арабажина, широкий круг его литературных интересов, внимание к новейшим явлениям в культуре и литературе, высокую публикаторскую продуктивность и др. В сущности, по мнению ученого, Арабажин был «неплохим популяризатором, который умел учитывать степень эрудиции, художественного развития, вкус среднего <...> интеллигента»,

однако ему присущи и некоторые малосимпатичные качества, такие как «повышенное самомнение, самовлюбленность, какая-то легковесность» [14. С. 80–81], что обусловило «переменчивость» воззрений, зыбкость мировоззренческих позиций.

В 1913 г. Арабажин, как утверждал фельетонист «Русского слова», не имея ни научных трудов, ни опыта работы в высшей школе, странным образом прошел конкурс на замещение вакантной должности профессора в Гельсингфорском университете [15], где, как оказалось, основным требованием к кандидатам на эту должность была «безусловная политическая благонадежность» [16. С. 5]. В 1914 г. новоизбранный профессор приступил к исполнению своих обязанностей, но практически до конца 1917 г. продолжал жить в Петербурге-Петрограде, приезжая в Финляндию ненадолго для проведения занятий со студентами. Однако кратковременные приезды не мешали ему принимать участие в русской литературной и культурной жизни столицы княжества.

После Октябрьских событий 1917 г. Арабажин окончательно обосновался в Гельсингфорсе и активно включился в общественную жизнь соотечественников. Двадцать восьмого января 1918 г. «по инициативе Арабажина в Хельсинки была созвана инициативная группа для образования общества, получившего название общество “Русская колония в Финляндии”» [17. С. 29]. С 13 марта 1918 г. при Обществе начала выходить газета «Голос русской колонии». Следует отметить, что Арабажин имел журналистско-издательский опыт: с ноября 1899 г. по декабрь 1900-го он совместно с князем В.В. Барятинским редактировал и издавал в Петербурге ежедневную литературно-политическую газету «Северный курьер», где активно публиковался и сам.

Газета «Голос русской колонии» вполне оправдывала свое название: содержание публикуемых материалов, репертуар газетных жанров, характер структурирования газетных полос — все в совокупности направлено на то, чтобы «Голос русской колонии» был услышан.

На первой странице газеты были размещены объявления организаций, непосредственно связанных с деятельностью общества «Русская колония в Финляндии». Читателю сообщалось: «Русская колония в Финляндии» ежедневно принимает членские взносы и записывает желающих вступить в общество; Гельсингфорское педагогическое общество проводит годичное собрание с изложением «Доклада об О-ве Русская Колония»; Бюро труда при Обществе русских женщин также проводит запись в члены общества; Русский клуб приглашает на семейный вечер и др. Даже реклама новой книжки для детей дошкольного возраста «Финские дети» содержит такие сведения: «На обложке изложены цели издания книжки и даны некоторые методические указания для пользования ею, там же братский призыв к духовно-нравственной солидарности финского и русского народов» [18. С. 1]. Идея солидарности двух народов прописана в уставе Общества.

В третьей и четвертой колонках первой страницы размещен материал, фактически не имеющий специального названия, а лишь содержащий в титуле указание на место и время: «Гельсингфорс, 13 марта 1918 года». По сути дела, это передовая статья (в последующих номерах газеты этот принцип презентации передовой статьи сохранился), представляющая читателям новую газету и выражающая позицию редакции по этому вопросу. С самого начала редакция избрала доверительную интонацию в общении с читателями: «Не без волнения и колебаний выпускает сегодня скромный редакционный кружок литературных работников первый номер газеты “Голос русской колонии”» [Там же]. Кто скрывается за словосочетанием «редакционный кружок литературных работников», неизвестно, но, судя по проблематике, стилистике, жанровому оформлению, подписям (статья «Русская колония в Финляндии» подписана К. А. (Константин Арабажин), «Дела печати в Гельсингфорсе» — *Старожил*, «Союз трудовой интеллигенции» — *N*, «Из умственной жизни Гельсингфорса» — *К. Каневский* (Константин Арабажин родился в городе Каневе), «Дневничок» — *Обыватель*), можно предположить, что эти материалы подготовлены Арабажиным. Остальные тексты первого номера не имеют подписей вообще.

«Редакционный кружок» отмечал, что «условия, при которых появляется в Гельсингфорсе новый печатный орган русского населения, чрезвычайно тяжелы — почти трагичны. Русский народ на краю бездны <...> на пепелище» [Там же]. Но и в сложившихся обстоятельствах ре-

дакция призывает соотечественников не «падать духом, не предаваться отчаянию, а работать над нашим возрождением из праха и пепла». Прежде всего необходимо «осознать наши ошибки, трезво оглянуть наши вины, на нашу печальную действительность и работать, работать, работать», поскольку только в совместном труде сохраняется возможность человеческого единения.

Редакция заявляла, что свой «скромный голос» она возвышает «в защиту интересов русского населения Финляндии», при этом настойчиво подчеркивала: «...газета — частное предприятие, орган независимой беспартийной мысли»; ее главный лозунг — «Единение всех слоев русского населения на почве русской культуры и трудового, творческого начала». Редакция выражала уверенность в том, что сумеет «правильно отразить интересы русского населения в Финляндии и таким образом станет *голосом русской колонии* в самом широком значении этого слова». Но на первых порах по причинам «технического свойства» газета вынуждена ограничиться «очень скромными задачами, преимущественно осведомительного (в значении “ознакомительный”, “оповестительный”. — Л. Л.) характера». Изначальная «скромность» издания обусловлена, скорее всего, как отсутствием профессиональных журналистских сил, так и недостатком материальных средств. Начиная «тяжелое, но необходимое дело свободного, независимого слова», редакция рассчитывает на читательское понимание, поддержку, снисходительность и оптимистически уповает на лучшие дни, когда «“Голос” развернется в более крупное предприятие» [Там же]. Представленная информация свидетельствует о том, что газета задумана как рекламно-пропагандистский орган общества «Русская колония в Финляндии».

На второй странице газеты размещена объемная статья «Русская колония в Финляндии», подписанная инициалами К. А. (Константин Арабажин) и посвященная уже непосредственно деятельности созданной издателем организации. Автор настойчиво подчеркивает, что колония — это «союз взаимопомощи», «беспартийный, в целом не политический, а культурно-хозяйственный в первую очередь» [Там же. С. 2]. Арабажин открыто дистанцируется от каких-либо политических партий, осознавая небезопасность партийной принадлежности на тот момент. Вместе с тем он, опираясь на свой жизненный опыт, прекрасно понимает, что русский человек, оказавшись за границей, в непривычной социокультурной реальности, в новой языковой среде и ритуальности, вынужден непрестанно преодолевать какие-то непредвиденные трудности и препятствия. Для ориентации в новой обстановке ему необходим достоверный источник информации об окружающей действительности, дающий возможность более или менее объективно сознавать и реально оценивать свои возможности и перспективы. Арабажин предложил соотечественникам самое необходимое — организацию для совместной деятельности в разных сферах и информативный ресурс, связанный с ней.

В образном представлении автора «Русская колония» — это «громадный муравейник, в котором все должны работать на общую пользу, организовываясь в разные общества и группировки, дабы ни одна капля русской трудовой энергии не осталось неиспользованной и забытой» [Там же]. По замыслу организатора, колония, будучи локальным русскоязычным сообществом, призвана реально — словом и делом — поддержать сограждан и морально, и при возможности материально. Главная цель организации сформулирована так: «...объединение всех проживающих в Финляндии граждан русской национальности на почве общих интересов — материальных, духовных, культурных и правовых» [Там же]. Далее Арабажин намечает в статье довольно широкий круг конкретных «задач», решение которых позволит русскому населению Финляндии адаптироваться в новой среде. Членам сообщества предоставляются права и возможности «осуществлять свои потребности в образовании, просвещении, русской книге, газете, театре», оказывается содействие «в приискании труда», в создании «профессиональных организаций, кооперативов, потребительских, ссудо-сберегательных касс и обществ», в обеспечении «продуктами и карточками», в консультировании по «правовым вопросам, в ознакомлении с местными законами», в установлении и укреплении русско-финляндских связей «путем взаимного ознакомленья русских и финляндцев» с национальными культурами двух народов, «выяснения общих интересов обоих народов и устранения вытекающих из предрассудков и невежества недоразумений» [Там же].

Разработанный обществом устав «Русской колонии» закрепил «обеспечение трудовому населению» повсеместной поддержки как для «участья в работе колонии», так и для самостоятельной деятельности. Функционирование колонии, по мысли автора, должно быть широким, всеохватным, направленным на то, чтобы «ни один русский не чувствовал себя в Финляндии духовно одиноким и не оставался беспомощным». В заключение автор отмечает:

Работы масса, только бы всколыхнулось море стоячее, проснулась бы загубленная за последние годы энергия русского человека, заговорило присущее человеку исконное чувство любви к родине [Там же].

Сохранение национальных ценностей, определение реальных жизненных целей, выбор трудовой и общественной деятельности в соответствии с личными пристрастиями — приоритеты, культивируемые колонией, дают человеку возможность, по мнению Арабажина, полноценно развиваться и реализовывать себя за пределами отчизны. Задача газеты «Голос русской колонии» и состоит в том, чтобы подробно информировать русскоязычного читателя об уже существующих сферах деятельности, разъяснять необходимость национального единения в сложившейся ситуации.

Далее представлен обзор русскоязычной прессы «Дела печати в Гельсингфорсе». Вероятно, Арабажин, задумав издание газеты, просмотрел русскоязычную периодику примерно за год, с начала революционных событий в марте 1917 г., пытаясь, с одной стороны, уяснить, «чем питался Гельсингфорс в литературном смысле» [Там же], с другой — точнее определить на общем фоне издаваемой тогда прессы характер и направление своего будущего издания. Ознакомившись с русскоязычными газетами и журналами, он выяснил, что на тот момент основную массу изданий составляли органы печати различных политических партий, тесно примыкать к которым он не намеревался. Вот почему так настойчиво педалируется беспартийность, аполитичность и организации, и газеты.

В поле зрения обозревателя оказались большевистские «Известия», охарактеризованные максимально кратко: «...самая большая осведомительная газета в Гельсингфорсе» [Там же], издаваемая городским Советом депутатов армии, флота и рабочих. К «Известиям» примыкала газета «Волна» (март — июль 1917 г.) — орган Свеаборгского матросского коллектива РСДРП. Редакция этой газеты так поясняла ее название:

Поднялась волна революции. Смело ринулась она на темную, мрачную скалу, одним ударом обрушила она ее подмытые, расшатанные устои. Отступает она на миг и снова, с еще большей силой, набрасывается на скученные нагроможденные обломки, размывает и сносит их в морские глубины. И не упадет, не успокоится волна, но будет расти, вбирая в себя новые силы, пока не довершит свое дело, дело правды [19. С. 1].

«Волна» вела борьбу за сплочение солдат и матросов под большевистскими знаменами, разъясняла смысл происходящих политических событий: «Всюду, во всех странах, где только эксплуатируется наемный рабочий, социал-демократия борется за одну и ту же великую цель. Эта цель социализм» [Там же]. Летом 1917 г. газету обвинили в том, что она выходит на немецкие деньги, «как орган немецких шпионов», в результате «“Волна” была закрыта» [20. С. 1] Временным правительством, но продолжала выходить под названием «Прибой» [Там же]. И эта газета продолжала популяризировать большевистские позиции, призывала к борьбе с контрреволюцией. Всего вышло 88 номеров.

Весной 1917 г. появилась эсеровская «Народная нива» (апрель — ноябрь 1917 г.), делавшая ставку на «многомиллионное трудовое крестьянство» и «городских рабочих, сохранивших преданность общинным и мирским началам» [21. С. 1]. К этой газете, как отмечает обозреватель, действительно «потянулись крестьяне-солдаты», но «слабая осведомленность, обилье перепечаток, неумение подойти к массам вплотную, неопрятный и неряшливый вид издания стубили ее» [18. С. 3]. В июле 1917 г. почти одновременно появились три издания: эсеровская газета «Социалист-революционер», еженедельный журнал меньшевиков «Голос социал-демократа» и беспартийная газета «Общее дело». Все они, по мнению обозревателя, оказались безликими, не нашли читательской поддержки и быстро закрылись. Упомянуто в обзоре также несколько журналов. Так, журнал «Моряк» — издание Гельсингфорского матросского клуба (под редакцией Александра Богомолова), выходивший с 23 мая по 16 декабря 1917 г. (всего было издано 22 номера), — очевидно, оказался наиболее при-

влекательным для обозревателя. В качестве достоинств издания отмечены «строго беспартийная физиономия журнала, солидность внешнего вида, приличный подбор стихов и статей авторов-самоучек». Это помогло журналу «выбраться наверх», но через полгода «дела его пошатнулись», и он прекратил существование [Там же. С. 2]. Одновременно с «Моряком» начал выходить журнал «Труженик моря» — орган Союза моряков торгового флота; всего было издано 14 номеров (первый номер датирован 4 мая 1917 г., последний — 23 сентября 1917 г.); он «исчез, не оставив следа». Такой же была и судьба журнала «Трудовая Советская республика»: вышел всего один номер, «тем издание ограничилось, по-видимому не найдя себе читателей» [Там же]. В ноябре появился журнал «Артиллерист» — орган Свеаборгского артиллерийского клуба, но, «выпустив всего 4 номера», закрылся, «понеся громадные убытки, несмотря на красивую внешность и интересно подобранный материал» [Там же]. Вся эта русскоязычная пресса не выдержала испытания временем.

Прошел год. За это время ситуация лишь ухудшилась: «...с ростом народной антипатии, разочарования падает не только творчество народа, но и его ум, его интерес к духовной пище» [Там же. С. 2–3]. Однако обозреватель не теряет духа и с оптимизмом смотрит в будущее:

С твердой верой, что народ еще не погиб, не погряз в тине мелочных расчетов, приступаем мы к изданию новой газеты. И пусть надвигающееся отрезвление выведет нас из царства тьмы и насилия в мир свободы и созидательной работы [Там же].

На третьей странице газеты помещена статья «Союз трудовой интеллигенции» (за подписью *N*), автор которой сокрушается о «жалком положении интеллигентного труженика» [Там же. С. 3]. Статус интеллигента резко понизился вследствие «революционного вихря»: человек интеллектуального труда теперь обречен на бесправие, нищету, голод, смерть. Единственный выход из возникшего «тупика» автор видит в «попытках соорганизоваться». С удовлетворением он доводит до сведения своих читателей, что одна из таких попыток успешно завершилась 15 февраля 1918 г., когда был создан профессиональный Союз трудовой интеллигенции, который жизненно необходим как для плодотворного использования сил представителей интеллигентного труда, так и для защиты их законных интересов. «Пора нашей интеллигенции, — наставляет автор, — проникнуться сознанием, что, если она сама о себе не позаботится, она будет беспощадно затерта борющимися социальными группами» [Там же].

Далее на этой же странице в развитие темы интеллигенции помещена заметка «Из умственной жизни Гельсингфорса» (за подписью *К. Каневский*), где сообщается, что в последнее время жизнь Гельсингфорса получила «явный наклон в сторону серьезных интересов», что выразилось в «большом и стойком интересе интеллигенции к лекциям научного содержания». В первую очередь сообщается, что «каждое воскресенье лекции читал в женской гимназии профессор К.И. Арабажин, анализируя причины и последствия постигшей Россию катастрофы на основании литературных произведений наших великих писателей (Чехова, Достоевского, Толстого), истории, географии, статистики, выявления национального вопроса (польского и украинского в особенности) и анализа свойств той власти, которая пришла на смену самодержавия. Роль интеллигенции, общественных классов, иноземных влияний, пути возрождения гибнущего народа — составляли содержание этих лекций» [Там же. С. 3–4]. Отмечен также интерес слушателей к лекциям В.С. Бриллиантова и Е.Н. Петрова. В данном случае автор указывает на возможные формы занятости интеллигента: либо в качестве лектора, либо в качестве слушателя.

Далее под названием «Собрания и общества» опубликован отчет о проведении «объединенного собрания семи Гельсингфорских организаций для устройства продовольственного кооператива» [Там же. С. 4]. В собрании действительно приняли участие семь общественных организаций: общество «Русская колония в Финляндии», Всероссийский союз работников водного транспорта, Союз трудовой интеллигенции, Союз металлистов, Трудовая артель тральщиков, Общество русских женщин, Педагогическое общество. Представители сообществ единогласно постановили «не откладывать организации кооператива», как можно быстрее избрать правление и приступить к работе. Собрание обратилось с просьбой к проф. К.И. Арабажину, председателю «Русской колонии», которая наиболее полно представляет все русское население Финляндии, взять на себя

решение ряда злободневных вопросов, касающихся прав сограждан. Стоит обратить внимание на вольную или невольную саморекламу издателя, фамилия которого появляется в двух последних публикациях в самом позитивном свете.

Представляет интерес также фельетонный «Дневничок» некоего Обывателя, который, делая выписки из разных газет, фиксирует всевозможные несуразности, противоречия, глупости, отсутствие элементарной логики и здравого смысла в периодике. Под влиянием прочитанных нелепиц Обыватель ничего не может «разобрать» толком, даже сон его от этой путаницы превратился в подлинный кошмар.

Перестал читать газеты. Люблю политику, а теперь в газетах ничего не разберешь. «Белогвардейцы, калединцы и юнкера во главе с Вильгельмом» двигаются на Лугу... Какие белогвардейцы? Финны, что ли? А немецкая армия уже разложилась? Кто писал приказ № 1 для Немцев.

Воюем ли мы с белогвардейцами, а мир заключен немецким народом?

Мудрый Эдип! разреши мои сомнения. Ведь ты потому и ослеп, что все видел?

Сегодня во сне услышал ответ: «Мы воюем, заключая мир». «Мы заключили мир и продолжаем воевать».

«Мы устанавливаем дружеские отношения с врагом, но, протягивая ему руку, вполне официально заявляем ему: ты разбойник и мародер». Такая манера обращения очень упрочивает добрососедские отношения.

«Собственно мы не воюем и не миримся, мы только очищаем все фронты и очень облегчаем дело мира, позволяя врагу продвигаться все дальше и дальше в глубь страны». Что это? Какой глупый сон! Не сон, а кошмар, от которого в пот ударило.

Какая-то комедия, слышится мне голос газеты Горького³ с заранее расписанными ролями.

Обыватель [Там же].

В «Дневничке», с одной стороны, создан комический образ обывателя, претендующего на интеллигентный труд читателя и аналитика, а с другой — выписанные «цитаты» призваны с помощью юмора и иронии показать абсурдность, бестолковость, хаотичность большинства современных изданий и таким образом привлечь внимание потенциальных читателей к четкому и ясному «Голосу русской колонии».

Совершенно очевидно, что составные компоненты газетного текста так или иначе связаны, соотнесены между собой. Первый номер газеты преследует цель не только сообщить определенную информацию, но и дать ей соответствующее освещение и таким образом воздействовать на читателя в нужном направлении — в данном случае сформировать позитивное общественное мнение о новой газете. Издатель подобрал соответствующий материал и распределил его таким образом, чтобы русскоязычный читатель четко понимал, что он не брошен на произвол судьбы, что есть серьезная организация, готовая помочь ему справиться с бытовыми проблемами, есть и печатный орган, готовый давать ему объективную информацию о положении дел как на родине, так и в стране его пребывания.

Основные рубрики газеты содержат информацию из России и Финляндии: «Сегодняшние новости из Петрограда» (со второго номера — «Последние новости из Петрограда»), «Телефон из Петрограда», «События в Финляндии» (о действиях северного и восточного фронтов), «Печать» (выдержки из российской, финской, европейской прессы с кратким комментарием политического характера), «Разные известия» (о визитах, арестах, ссылках, назначениях, собраниях в стране и за ее пределами), «Справочный отдел» (информация собственно о деятельности Русской колонии и ее различных секций), «Дневничок» (фельетоны о быте и нравах современных обывателей), «Объявления» (типа «куплю», «продаю», «ищу», «сдаю», «требуется» и др.). Наряду с указанными рубриками в дальнейших номерах газеты появляются «Гельсингфорские эскизы», «Театральные дела», «Театр и музыка», «Театр и искусство», «Приказ» и некоторые другие.

Практически каждый номер содержит передовую статью, где раскрываются позиции редакции по злободневным политическим, культурным или нравственным вопросам, даются практические рекомендации и моральные наставления читателям. Так, уже в № 2 редакция напоминает: «Русское

³ А.М. Горький был редактором социал-демократической газеты «Новая жизнь» (1917–1918), которая после Октябрьской революции резко критиковала большевиков и, в частности, осуждала лидеров партии (Ленина, Троцкого, Зиновьева).

население Финляндии не должно остаться безучастным к своему положению. Оно обязано организоваться, объединившись хотя бы в лице существующих профессиональных и общественных организаций» [22. С. 1]. В № 6 редакция не только отмечает успехи общества «Русской колонии в Финляндии», которое дало русскому населению «благоприятный толчок, и Гельсингфорс зашевелился», но и указывает на различные «трения и недоразумения», возникшие в практической деятельности его членов, связывая это с социальной незрелостью, общественной невоспитанностью и низкой культурой россиян. Редакция удрученно констатирует: «У нас на трение уходит большая часть энергии, а на дело остается очень мало. Мы какие-то “недотепы”. Устав мастерили месяцы, трудимся, потеем, а затем ждем, что кто-то другой сделает за нас то, что прекрасно начертано в уставе». Статья завершается призывом к взаимотерпимости и побуждением к позитивному действию:

Пора встряхнуться, опомниться и взяться за работу. Побольше взаимного благожелательства, терпимости, уважения, а главное, поменьше слов и фраз, а побольше настоящей работы, реальной, осязаемой, зримой, единственной [23. С. 1].

Призывы к единению, самоуважению, большей дисциплинированности, организованности буквально пронизывают газетные страницы.

Издав десять номеров, редакция 25 марта проинформировала своих читателей о том, что все чаще происходит смешение «Голоса русской колонии» с обществом «Русская колония в Финляндии», в результате «возникают недоразумения нежелательного характера». Желая избежать их в дальнейшем, редакция приняла решение сократить название до «Русского голоса» [24. С. 1]. Под этим названием газета, не изменив ни своей направленности, ни структурирования, просуществовала еще около месяца. Большая часть публикаций и здесь принадлежала самому Арабажину, который по-прежнему настойчиво ратовал за единение россиян, проживающих в Финляндии, на основе общих духовных и культурных ценностей, материальных и правовых интересов. В целом вышло 29 номеров. В последнем номере основное пространство занимает информация об изменяющемся на глазах положении русскоязычного населения Финляндии. Если на первой странице в передовой статье содержится предупреждение к согражданам:

...возможны резкие меры в отношении к тем русским, которые вмешались в гражданскую войну. Правительство имеет все права подвергать таковых <...> всем законным карам, а также выслать неблагонадежный элемент <...> из своей страны [25. С. 1],

то на последней, четвертой, странице в официальном обращении «Вниманию русских» уже сообщается:

Финляндское правительство в виде облегчения продовольственного кризиса и ради личной безопасности предлагает всем проживающим в Гельсингфорсе русским подданным, мужчинам и женщинам, безотлагательно покинуть Финляндию <...>. Все те русские подданные, которые <...> окажутся в Финляндии без разрешительного удостоверения <...> будут немедленно арестованы [Там же. С. 4].

На этих драматических нотах арабажинский «Русский голос» замолк.

В последствии Арабажин принимал участие в издании еще ряда гельсингфорских газет: «Русский листок» (1918–1919), «Русская жизнь» (1919), «Рассвет» (1919–1920). В газете «Русский листок» Арабажин-редактор по-прежнему стремится убедить своих читателей в необходимости, с одной стороны, единения всех слоев русского общества в Финляндии, а с другой — «разумного симбиоза русских с финляндским народом в рамках независимой Финляндии» [26. С. 2]. На страницах и этой газеты Арабажин публикует множество собственных материалов: неизменные передовицы, своеобразные хроники о жизни русских в Гельсингфорсе в рубриках «Труды и скорби. Изо дня в день», «Заметки дня», а также мемуарные очерки о встречах с Львом Толстым, Антоном Чеховым, Максимом Горьким, другими деятелями культуры, эссе о творчестве Ивана Тургенева, Михаила Арцыбашева, Владимира Винниченко и др., заметки о посещении Ильи Репина в знаменитых «Пенатах», о встречах с Николаем Рерихом и т.д.

В начале 1919 г. предприимчивый Арабажин участвует в издании газеты «Русская жизнь», а в конце того же года становится главным редактором газеты «Рассвет», позиционируемой как «демократический орган русского самосознания» [27. С. 1]. В разное время с изданиями Арабажина сотрудничали известные россияне: писатели Александр Куприн и Леонид Андреев, профессор-этнограф Евгений Ляцкий, историк театра Николай Дризен, художник Николай Рерих, литературный критик Глеб Струве, поэт Иван Тхоржевский, писатель и драматург Федор Фальковский и др.

В начале 1919 г. в результате решения правительства Финляндии о ликвидации всех кафедр русского языка и словесности Арабажин потерял работу в университете; его общественная активность привлекала все более пристальное внимание финских властей, считавших его, как и всех русских, неблагонадежным. Ему запрещают проживать в столице, но он, нарушая запреты, продолжает свою редакторско-издательскую и публицистическую деятельность. Летом 1920 г. Арабажин уехал из Хельсинки по делам в Таллинн. Разрешения на обратный въезд в Финляндию он не получил [17. С. 32]. Тогда он принял решение переехать в Латвию. В Риге, как и в Гельсингфорсе, Арабажин получил должность профессора русской литературы Латвийского университета, сотрудничал с русскими периодическими изданиями (особенно активно — с газетой «День» [28. С. 131–135]), участвовал в общественной жизни, включившись в работу Русского общества, организовал Русские университетские курсы и был их ректором до трагической гибели под трамваем в 1929 г.

Голос Арабажина, публициста, педагога, организатора русскоязычных сообществ, звучавший в прессе «своей» за границы, позволил, как заметил О.А. Коростелев, «раздвинуть рамки своего сознания» и увидеть историческую «реальность» [1] глазами ее деятелей и участников, что является действительным фактом, а не шаблонным представлением о нем.

Литература

1. Коростелев О.А. «За пределами России выходят сотни газет и журналов на русском языке»: интервью взял Сергей Дмитренко // Литература: приложение к газете «1 сентября». 2009. 1–15 августа (№ 15 (678)). URL: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200901515 (16.06.2022).
2. Булдаков В.П. Восприятие гражданской войны в Финляндии российским обществом в 1918 году // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Т. 3. С. 421–436.
3. Валь Э.Г. Война белых и красных в Финляндии в 1918 г. Таллинн: Э.Г. Валь, 1936. 94 с.
4. Лунина Н. Трагедия русских в Финляндии / публ. А.В. Смолина // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 7. С. 166–171.
5. Мусаев В.И. Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии (1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 103–114.
6. Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета / сост. Б.П. Заостровцев. 2010. № 4. С. 244–256.
7. Рахикайнен М. Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга // Historia provinciae: журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 1. С. 52–71.
8. Булгарин Ф. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. Ч. 1. СПб.: Тип. Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, 1839. 287 с.
9. Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 / пер. с англ. А. Ратобильской, предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия 1994. 295 с.

References

1. Korostelev O.A. “Za predelami Rossii vyhodiat sotni gazet i zhurnalov na russkom iazyke”: interv’u vzial Sergei Dmitrenko // Literatura: prilozhenie k gazete “1 sentiabria”. 2009. 1–15 avgusta (No. 15 (678)). URL: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200901515 (16.06.2022).
2. Buldakov V.P. Vospriatie grazhdanskoi voiny v Finliandii rossiiskim obshhestvom v 1918 godu // Al'manah severoevropeiskih i baltiiskih issledovani. 2018. T. 3. S. 421–436.
3. Val' E.G. Voina belyh i krasnyh v Finliandii v 1918 g. Tallinn: E.G. Val', 1936. 94 s.
4. Lunina N. Tragediia russkikh v Finliandii / publ. A.V. Smolina // Trudy kafedry istorii Novogo i Noveishego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 7. S. 166–171.
5. Musaev V.I. Sud'ba russkoi diaspory v nezavisimoi Finliandii (1918 g.) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2007. Ser. 2. Vyp. 2. St. Petersburg: SPbGU, 2007. S. 103–114.
6. Vasara V.-T. Nekotorye vzgliady na vopros o proishozhdenii nenavisti ko vsemu russkomu v Finliandii // Trudy kafedry istorii Novogo i Noveishego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta / sost. B.P. Zaostrovcev. 2010. No. 4. S. 244–256.
7. Rahikainen M. Helsinki (Gelsingfors) v zerkale imperского Sankt-Peterburga // Historia provinciae: zhurnal regional'noi istorii. 2017. T. 1. No. 1. S. 52–71.
8. Bulgarin F. Letniiaia progulka po Finliandii i Shvetsii v 1838 godu. Ch. 1. St. Petersburg: Tip. Ekspeditsii Zagotovleniia Gosudarstvennyh bumag, 1839. 287 s.
9. Raev M.I. Rossiia za rubezhom: istoriia kul'tury russkoi iemigratsii, 1919–1939 / per. s angl. A. Ratobyl'skoi, predisl. O. Kazninoi. Moscow: Progress-Akademiia 1994. 295 s.

10. Еленевская И.Э. Воспоминания. Стокгольм: [б.и.], 1968. 214 с.

11. Неваляинен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / пер. с фин. Майю Леппя. СПб.: Журнал «Нева», 2003. 400 с. URL: <http://www.new.pdfm.ru/35istoriya/217849-4-rossiyskie-bezhenci-finlyandi-19-19-sokraschenniy-avt-orizirovanniy-perevod-finskogo-mayyu-leppya.php> (16.06.2022).

12. Каремаа О. Русофобия в Финляндии 1917–1923 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. / редкол. А.Н. Сахаров, Т. Вихавайнен, Л.П. Колодникова. М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 212–220.

13. Михайлов С.А. Журналистика стран Северной Европы. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2003. 366 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/48.htm> (16.06.2022).

14. Исаков С.Г. Профессор Хельсинкского университета К.И. Арабажин: очерк жизни и деятельности // Studia slavica Finlandensia. T. IV. Helsinki: Neuvo stoliitto instituutti, 1987. С. 68–112. URL: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/isakov-arabazhin/> (17.06.2022).

15. Первый общеимперский профессор // Русское слово. 1913. № 216. URL: http://az.lib.ru/a/arabazhin_k_i/text_1912_pervy_professor_oldorfo.shtml (16.06.2022). Без подписи.

16. Дело о назначении К.И. Арабажина профессором русского языка и словесности в Гельсингфорском университете // РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 355.

17. Мусаев В.И. Константин Арабажин в Санкт-Петербурге и Финляндии // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: материалы VI Ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.) / под ред. В.Н. Барышниковой, С.Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2005. С. 27–33.

18. Голос русской колонии. 1918. 13 марта (№ 1).

19. Волна. 1917. 30 марта (№ 1).

20. Прибой. 1917. 27 июля (№ 1).

21. Народная Нива. 1917. 25 апреля (№ 1).

22. Голос русской колонии. 1918. 14 марта (№ 2).

23. Голос русской колонии. 1918. 19 марта (№ 6).

24. Голос русской колонии. 1918. 25 марта (№ 11).

25. Голос русской колонии. 1918. 16 апреля (№ 29).

26. Арабажин К.И. Финляндская печать и мы // Русский листок. 1918. 22 июля (№ 39).

27. ʒ [К.И. Арабажин]. Наши задачи // Рассвет. 1919. 14 ноября (№ 1).

28. Сидяков Ю. Профессор К.И. Арабажин и газета «День» // Rusistica Latviensis Георгий Адамович и... : (к проблеме изучения культуры русской диаспоры). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2021. С. 129–137.

10. *Elenevskaya I.E. Vospominaniia. Stokgol'm: [b.i.], 1968. 214 s.*

11. *Nevalainen P. Izgoi. Rossiiskie bezhency v Finliandii (1917–1939) / per. s fin. Maiiu Leppia. St. Petersburg: Zhurnal “Neva”, 2003. 400 s. URL: <http://www.new.pdfm.ru/35istoriya/217849-4-rossiyskie-bezhenci-finlyandi-19-19-sokraschenniy-avt-orizirovanniy-perevod-finskogo-mayyu-leppya.php> (16.06.2022).*

12. *Karemaa O. Rusofobia v Finliandii 1917–1923 gg. // Rossiia i Finliandii: problemy vzaimovospriiatiia. XVII–XX vv. / redkol. A.N. Saharov, T. Vihavainen, L.P. Kolodnikova. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2006. S. 212–220.*

13. *Mihailov S.A. Zhurnalistika stran Severnoi Evropy. St. Petersburg: Izd-vo V.A. Mihailova, 2003. 366 s. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/48.htm> (16.06.2022).*

14. *Isakov S.G. Professor Hel'sinskogo universiteta K.I. Arabazhin: ocherk zhizni i deiatel'nosti // Studia slavica Finlandensia. T. IV. Helsinki: Neuvo stoliitto instituutti, 1987. S. 68–112. URL: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/isakov-arabazhin/> (17.06.2022).*

15. *Pervyi obshheimperskii professor // Russkoe slovo. 1913. No. 216. URL: http://az.lib.ru/a/arabazhin_k_i/text_1912_pervy_professor_oldorfo.shtml (16.06.2022). Bez podpisi.*

16. *Delo o naznachenii K.I. Arabazhina professorom russkogo iazyka i slovesnosti v Gel'singforskom universitete // RGIA. F. 1276. Op. 18. D. 355.*

17. *Musaev V.I. Konstantin Arabazhin v Sankt-Peterburge i Finliandii // Sankt-Peterburg i Strany Severnoi Evropy: materialy VI Ezhegodnoi nauchnoi konferencii (14–16 aprelia 2004 g.) / pod red. V.N. Baryshnikova, S.Yu. Trohacheva. St. Petersburg: RHGI, 2005. S. 27–33.*

18. *Golos russkoi kolonii. 1918. 13 marta (No. 1).*

19. *Volna. 1917. 30 marta (No. 1).*

20. *Priboi. 1917. 27 iuliia (No. 1).*

21. *Narodnaia Niva. 1917. 25 aprelia (No. 1).*

22. *Golos russkoi kolonii. 1918. 14 marta (No. 2).*

23. *Golos russkoi kolonii. 1918. 19 marta (No. 6).*

24. *Golos russkoi kolonii. 1918. 25 marta (No. 11).*

25. *Golos russkoi kolonii. 1918. 16 aprelia (No. 29).*

26. *Arabazhin K.I. Finliandskaia pechat' i my // Russkii listok. 1918. 22 iuliia (No. 39).*

27. ʒ [K.I. Arabazhin]. *Nashi zadachi // Rassvet. 1919. 14 noiabria (No. 1).*

28. *Sidiakov Yu. Professor K.I. Arabazhin i gazeta “Den” // Rusistica Latviensis Georgii Adamovich i... : (k probleme izuchenii kul'tury russkoi diaspori). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2021. S. 129–137.*

Луцевич Людмила Федоровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавский университет

Lutsevich Lyudmila F.,

Doctor of Philology, Professor of the Literature and Intercultural Studies Department Institute of Special and Intercultural Communication Warsaw University

e-mail: Llutevici@uw.edu.pl

